

- sign / W.J. Mitchell, G. Carrara, Y. Kalay // Knowledge-based computer-aided architectural design. – Elsevier Science BV, 1994. – pp. 379-388.
51. Monks, M. Audiooptimization: goal-based acoustic design / M. Monks, B.M. Oh, J. Dorsey // IEEE Computer Graphics and Applications. – Vol. 20. – 2000. – № 3. – pp. 76-91.
 52. Obayashi, S. Multiobjective evolutionary computation for supersonic wing-shape optimization / S. Obayashi, D. Sasaki, Y. Takeguchi, N. Hirose // IEEE Transactions on Evolutionary Computation. Vol. 4. – 2000. – № 2. – pp. 182-187.
 53. O'Hear, A. Art and technology: an old tension / A. O'Hear, R. Fellows // Philosophy and technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – pp. 143-158.
 54. Rasheed, K.M. GADO: a genetic algorithm for continuous design optimization / K.M. Rasheed. – PhD. – Rutgers University, New Brunswick (NJ), 1998.
 55. Rechenberg, I. Evolutionstrategie: Optimierung Technischer Systeme nach Prinzipien der Biologischen Evolution / I. Rechenberg. – Stuttgart: Frommann-Holzboog Verlag, 1973.
 56. Riecken, R.D. A conversation with Marvin Minsky about agents / R.D. Riecken // Communications of the Association for Computing Machinery. – Vol. 37. – 1994. – № 7. – pp. 23-29.
 57. Riecken, R.D. The Wolfgang System: a role of "emotions" to bias learning and problem-solving when learning to compose / R.D. Riecken, R. Trappl, P. Petta, S. Payr // Emotions in humans and artifacts. – Cambridge: MIT Press, 2002. – Ch. 10.
 58. Riecken, R.D. Wolfgang: musical composition by emotional computation / R.D. Riecken, H. Schorr, A. Rappaport // Innovative applications of artificial intelligence. – Menlo Park (CA): AAAI Press, 1989. – pp. 251-269.
 59. Rosenman, M.A. An exploration into evolutionary models for non-routine design / M.A. Rosenman // AID'96 Workshop on Evolutionary Systems in Design. – 1996. – pp. 33-38.
 60. Rowbottom, A. Evolutionary art and form / A. Rowbottom, P. Bentley // Evolutionary design by computers. – San Francisco (CA): Morgan Kaufmann, 1999. – pp. 260-281.
 61. Rowe, P.G. Design thinking / Rowe, P.G. - Cambridge (MA): MIT Press, 1987.
 62. Runnegar, B. Rates and modes of evolution in the mollusca / B. Runnegar, K. Campbell, M. Day // Rates of evolution. – London: Allen and Unwin, 1987. – pp. 39-60.
 63. Sasaki, D. Aerodynamic shape optimization of supersonic wings by adaptive range multiobjective genetic algorithms / D. Sasaki, M. Morikawa, S. Obayashi, K. Nakahashi // Proceedings of Evolutionary Multi-Criterion Optimization EMO'2001, Zurich, Switzerland. – Springer-Verlag, 1993. – pp. 639-652.
 64. Shea, K. Essays of discrete structures: purposeful design of grammatical structures by directed stochastic search / K. Shea. – PhD. – Pittsburgh (PA): Carnegie Mellon University, 1997.
 65. Sims, K. Artificial Evolution for Computer Graphics / K. Sims // Computer Graphics (SIGGRAPH'91 proceedings). – Vol. 25. – 1991. – № 4. – pp. 319-328.
 66. Sloman, A. Architectural requirements for human-like agents both natural and artificial. (What sorts of machines can love?) / A. Sloman, K. Dautenhahn // Human cognition and social agent technology: advances in consciousness research. – Amsterdam: John Benjamins, 2000. – pp. 163-195.
 67. Stiny, G. Algorithmic Aesthetics / G. Stiny, J. Gips. – Berkeley (CA): University of California Press, 1978.
 68. Sun, J. Application of genetic algorithms to generative product design support systems / J. Sun. – PhD. – Hong Kong: School of Design of Hong Kong Polytechnic University, 2001.
 69. Todd, S. Evolutionary art and computers / S. Todd, W. Latham. – San Diego (CA): Academic Press, 1992.
 70. Warnock, M. Imagination / M. Warnock. – London: Faber, 1980.

S. Erokhin
AUTOMATED ART

Abstract: Article contains the analysis of the experience of using of methods of automatic design in contemporary art. Emphases is spared using of evolution algorithms – a genetic algorithms, genetic programming, evolution strategies and evolutionary programming, as well as shaping of algorithmic style and algorithmic aesthetics in contemporary art.

Key words: algorithmic aesthetics, digital art, algorithmic artist, algorithmic style.

УДК 1 (091)

Закунов Ю.А.

РУССКАЯ ИДЕЯ И ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В СВЕТЕ ИДЕЙ И.А. ИЛЬИНА*

Аннотация: В статье предлагается актуальная на сегодняшний момент реконструкция понимания русской идеи выдающимся отечественным философом И.А. Ильиным, чьи социаль-

но-философские прогнозы оказались наиболее верными. Сформированные в традициях русской религиозно-философской мысли, идеи мыслителя претендуют на всеобщий характер, образуя универсальную целостную историософскую модель.

* © Закунов Ю.А.

На ее основе автором сделана попытка систематизации и обобщения в виде таблицы основных ценностных альтернатив российской, западной и восточной цивилизаций и несущих разрушение противодуховных сил.

Ключевые слова: русская идея, ценность, вера, государство, народ, цельность, духовный реализм.

В 2008 году исполнилось 125 лет со дня рождения выдающего русского православного мыслителя XX века Ивана Александровича Ильина. Цепь знаковых событий последнего времени - перенос праха И.А. Ильина в Россию, перемещение архива философа на родину, открытие памятной доски на здании МГУ и главное – возрастающий интерес в России к его идеям и произведениям – все это знаменует новый этап жизни духовного наследия философа. С одной стороны, это придает больше сил в борьбе за подлинное возрождение России. С другой стороны, некое «полевение» и одновременно «патриотизация» нынешней власти с неожиданным обращением её к цитатам из трудов православного националиста И.А. Ильина свидетельствует как об очередной опасности искажения его идей, так и об их победоносной верности.

Масштаб, энергия, сила таланта, фундаментальность работ и цельность личности И.А. Ильина, творившего из любви к Богу, Истине и России, вызывают восхищение и гордость за наш народ и культуру. Благодаря И.А. Ильину трагические уроки XX века получили поистине пророческое осмысление, а выстраданная им формула русской идеи является концентрированным выражением смысла национального бытия не только для русского православного человека, но и обетованием для всего человечества.

Вопрос об основных путях исторического развития человечества часто выливается в дискуссию о преимуществах ценностей западной и восточной цивилизаций и соотношении азиатского и европейского в России. Конечно, проблема Востока и Запада очень важна, однако не следует впадать в крайность и видеть в евразийстве России ключ к решению всех вопросов. Иногда весь исторический путь России рассматривают через призму борьбы этих двух начал, отказывая ей в самобытном «третьем» пути, который на поверку оказывается той самой искомой «золотой серединой». Поднимаемый вопрос есть не столько географический, сколько духовно-исторический и всемирно-исторический. Под западным влиянием, как это интерпретируется западничеством, имеют в виду не столько внешние европейские черты, сколько преобладание «общечеловеческого» и необходимость ему следовать: прогресс, активность, культурное развитие, рационализм, ли-

берализм, демократия. Тогда как под восточным началом – то, от чего следует отказаться: созерцательность, застой, религиозная фанатичность, самовластье и деспотизм.

Соответственно западники всегда призывали к духовной и социальной революции, состоявшей в отказе от исторически выбранного народом «созерцательного православия», якобы ведущего Россию к Востоку, и в обращении ее к «деятельному» Западу. Напротив, славянофильская традиция всегда указывала на извращение Западом подлинного христианства, что неизбежно приводило Запад к духовной деградации и, в конечном счете, приведет к распаду его цивилизации.

Попытки синтеза делались неоднократно. В частности В.С. Соловьев хотел синтезировать эти две крайние позиции. Для него и западное и восточное христианство – односторонние начала, не обладающие сами по себе полнотой истины, отсюда необходимо соединение православной духовности с деятельным началом католицизма. Эту задачу, считал он, может решить только русский народ, принадлежащий и западной и восточной культуре. В результате возникнет якобы вселенское теократическое государство, объединяющее все христианские народы и Востока и Запада.

Для философа И.А. Ильина такой подход неприемлем. В России и для России следует искать не просто самобытный путь наряду с другими, но наиболее верный с точки зрения всемирно-исторической Правды.

Чтобы понять суть русской идеи как особой силы, определяющей судьбу нации и человечества, И.А. Ильин обращается к первоначалам любой национальной жизни. Во-первых, это объективная **данность** (присущие исконные глубинные этнопсихологические качества, географические условия, антропологические характеристики и пр.). Далее, это собственно само национальное **задание**, некое духовное предназначение, национальные идеалы, ведущая идеология, вера, доминирующая цель развития, объединяющая, интегрирующая сила или фактор, определяемый часто как национальный дух, то есть некое метафизическое непреходящее духовное начало, действующее в России и характере ее народа. И, наконец, типичные способы и конкретные формы **осуществления** этого задания исходя из исторической данности (главные стержневые темы русской истории, ее социальные группы, характерные исторические пути развития на разных этапах, выбор России в переломные ключевые моменты ее истории - революции, реформах, войнах; это конкретно-исторические формы хозяйственной, региональной, этнокультурной жизни различных социальных слоев и сфер, в которых выражается главная идея страны, то есть многообразные переменные вели-

чины, связанные с историческим процессом).

Особенности всей русской культуры, всех сторон жизни, по суждению И.А. Ильина, будут обновляться и вестись *духом сердечного созерцания (любви) и объективной свободы*. Религиозный источник этой идеи он видит в православном христианстве и показывает на исторических примерах, что без *сердца, духовной предметности (объективности) и свободы* русская жизнь всегда вырождалась. Дело в том, что религиозная философия И.А. Ильина носит конкретно-метафизический духовный характер. В этом смысле на фоне попыток философизации православного богословия (движение от богословия к философии), оцениваемого традиционалистами как нисхождение, путь И.А. Ильина видится как восхождение от философии к богословию и созданию подлинно религиозной философии (а отнюдь не философской религии). Так И.А. Ильин утверждает ДУХОВНУЮ цельность ПРЕДМЕТНОСТИ, ЛЮБВИ и СВОБОДЫ, где конкретное наполнение и органичность взаимосвязей достигаются на основе единого ДУХА через разрешение противоречий между *данной предметной сферой деятельности и индивидуальностью субъекта, предметной и субъективной заданностью* (как противоречие между свободным самобытием и духовной предметностью) в формах *осуществления* – в адекватных конкретной исторической ситуации верно найденных способах преобразования мира «любовным его пониманием и деланием». Это динамичное выражение христианской идеи преобразования через определение констант исторического развития. В логике иных путей и альтернатив усматриваются либо крайности, либо неполноценность, либо их смешение, своеобразное зеркальное переворачивание, формально сохраняющее те же структуры и связи, но приводящее к совершенно противоположному.

И.А. Ильин видит особые типы отношений в системе человеческой деятельности, являющиеся подлинной основой цельности, отличные от привычных господства и подчинения, дуализма и борьбы между началами единого целого. Это отношения Любви, выражаемые в различных аспектах. К какой бы предметной сфере (начало данности) они не принадлежали основой их согласия и примирения будут объективные *духовные ценности* (начало предметной заданности), отличия же будут заключаться лишь в способах сочетаний и проявлений (осуществлении). Все три едины, неразрывны и неслиянны, воплощены на разных уровнях и сферах, в различных видах структурно-функциональных взаимосвязей в системе и развитии.

Философия И.А. Ильина – это призыв к духовному достоинству и верности, мужеству быть тем, кто ты есть, признание данности жизни как

важнейшей силы, объективно существующей, протест против которой есть протест против Бога, мира и своего естества. Это *духовный реализм*. Тогда как у западников – это протест в виде призыва согнуть «железную необходимость жизни», причем под знаком креста. Именно, против подобного отрицания «данности», когда доктринерство торжествует над жизнью, резко выступает Ильин, как и против поклонения ей, поскольку идея *преобразования* является одной из главных характеристик историософского понимания Ильиным движущих сил истории.

Для И.А. Ильина важны аксиомы духовной культуры, условия ее полноценного осуществления, ее состав. Важнейшая из них – адекватность метода, способа обращения к предмету, опытное, живое целостное общение с действительностью. Для постижения духовной религиозной сущности общественных явлений и природы самой религиозности необходим, по его мнению, особый целостный акт, позволяющий стать орудием самой духовности. Это своеобразный закон духовного подобия, отождествления и опыта. Его гносеология онтологична, а онтология гносеологична. Только тогда можно избежать абстрактной умозрительности, духовных подделок и двойников, постигнуть религиозно-философский, нравственный и художественный смысл исторических фактов и явлений как состояние человеческой души и человеческого духа.

Глубокие духовно-реальные свойства не поддаются формализации, которая часто лишь затемняет подлинный смысл исторических событий. Критика И.А. Ильиным условного и искусственного выделения какого-либо признака в угоду собственной доктрине, отвлечение от сложной конкретики и многообразия и главное от предметного духовного содержания, если не прямо, то косвенно обращена к современным «доктринерам» таким как западники или евразийцы. Это критика попыток освоить новое духовное содержание старыми методами, выходя из старой системы понятий и мышления не выработав нового способа понимания. Не случайно И.А. Ильин утверждает необходимость «нового способа жизни», а доктринеры говорят о «новом способе устройства» и организации.

Высший уровень – план Божественного бытия (реальное сверхмирное Совершенство) представлен абсолютными объективными ценностями, великими духовными Предметами [См.: 4, С.444-445] – *Истиной, Красотой, Добром, Верой (откровением), Свободой, Любовью, Справедливостью*, от которых исходят лучи к человеку в мир. Внешняя парадоксальность «Предметностей» (объективных ценностей) состоит в том, что они есть заданность для человека и вместе с тем данность

для Бога, то есть сверхъестественны для человека бездуховного и естественны в своей сверхъестественности для человека духовного. Душа человека, представленная данным от Бога единством сердца, воли и ума (начало данности) призвана стать духовной (заданность) через восприятие высших ценностей, воплощая их в культурном творчестве (осуществлении) в виде *научного поиска, художественного творчества, нравственного выбора, искреннего вероисповедания, государственно-правового строительства, брачной жизни и воспитания детей, любви к Родине и защите Отечества*. Душевные воля, ум и чувства человека, соответствующие своему призванию и природе, ведутся Духом и духовными органами – совестью, верой и любовью, которые образуют три великие движущие силы: *совестную волю, ведущую мысль и чувство любви* [См.: 12, С.424].

Лежащие в основе этих высших духовных актов – «нераздельные и неслиянные» СВОБОДА, ПРЕДМЕТНОСТЬ и ЛЮБОВЬ, выражают саму суть исторического развития и социального бытия в аспекте его осуществления. Его абсолютная целостная формула: *Свободная Любовь к безусловно Совершенному* [См.: 1, С.97]. Каждая из трех основ выступает в различных исторических аспектах (религиозном, национальном, политическом, хозяйственном и т.п.). Свобода без Предметности ведет к безбожию, волюнтаризму и субъективизму, а без Любви – к политическому, экономическому и пр. своекорыстию и эгоизму. В свою очередь настоящая любовь не может быть несвободна. Она полноценна только тогда, когда предпочитает *объективно-лучшее*. Любимая формула И.А. Ильина: «Не по милу хорош, но по хорошему мил». Без Свободы Предметность (Истина, Добро, Красота) теряют свой высший смысл, самодеятельную природу и в условиях тоталитарного внешнего зажима становятся суррогатами или миражами.

Национальный дух принадлежит не просто одной из сфер общественной жизни. Он есть сущность более высокого порядка, отличаясь от рациональности, искусства, морали и т.п. не в меньшей степени, чем от экономики и политики. *Русская идея – это свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура*. Божьи дары - история и природа – сделали русского человека таковым, что доброта, искренность и совесть в душе у русских от рождения, наследуются культурной традицией. Такое славяно-русское созерцание мира и человека чуждо западным европейцам, которые движутся более волей и рассудком. На это указывало подавляющее большинство мыслителей, но делало разные выводы. Одни - о драгоценной самобытности в сонме других народов, другие – о принадлежности «к тем из них, которые как бы не входят составной частью в

человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» (П.Я. Чаадаев).

Для И.А. Ильина творческая идея народа – это не просто результат анализа и концептуального философского обобщения истории и не выдуманный идеал, но то, *что предстоит уже как факт, внутренняя сила, что уже ведет народ в истории, всегда вело его и что нашло и будет находить выражение в его собственном иррациональном творчестве*. Она всегда была в народе не только как идеал-образец, далекая недостижимая цель, но которая является движущим «определяющим мотивом в борьбе с материей за ее преобразование». Она есть благая сила, выражающая и призвание (заданность) и присущее своеобразие (данность) и духовно-исторический путь (осуществление). «Скрытая и еще не развернувшаяся для прошлого, она все больше и дальше развернется в будущем». Но Россия уже жила и живет ею «во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях» [7, С.323].

Поэтому для определения духа России, так называемой «русской идеи», надо исходить из конкретной исторической реальности, а не умозрений и предвзятости. А важнейшая реальность России – это ее государственная, политическая и военная история, неразрывно связанная с культурными и духовными процессами. Неотъемлемые страницы русской истории – военные победы России, ее героические усилия в борьбе с внешними врагами, то, что составляет ее славу и гордость. Это касается и достижений науки, то есть всего того, что свидетельствует о *величии державы и силе ее духа*. Здесь все – «и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад», объединенные единым национальным духом свободы и любви [См.: 5, С.10; 6, С.413, 595-598].

И.А. Ильин обращается к трем историческим основам русской национальной жизни – *вере (православию), государству (самодержавию) и народу (русской нации)*, то есть к тому, что составляло костяк Российского общества и собственно породило Россию как особую силу и величину. Эти начала – *Церковное, Народное и Государственное* – воплощают в себе триаду Предметности (*объективной истины*), Свободы (*индивидуальности*) и Любви (*цельности*). Необходимые социальные формы, наполняемые конкретным содержанием и связанные друг с другом единым Национальным Духом – это *Церковь*, соответствующая духовной Предметности, *Народ*, соответствующий Свободе и творчеству, самобытию и, наконец, *Государство* – призванное к солидарному способу единения, Любви. *Государство* есть источник внешнего по-

рядка и мира, помощник народу и оборона для Церкви, оно властвует во внешнем, на внутреннее не покушаясь; - *Церковь* есть духовная хранительница, наставница и народа и правителей, но ее власть лишь внутренняя, без диктата; - *Народ* есть источник жизненной творческой силы и созидания, он творит земную культуру, черпая духовную силу в Церкви и служа Государству. Краткая формула цельности - «*Церковь учит. Государство правит. Народ творит*». Единство между ними обеспечивается общим *национальным Духом*. У каждого народа он свой. Для русского же народа этот дух – христианский, наиболее полно выражаемый в православии [См.: 11, С. 322-323].

В настоящий момент в зависимости от того, какая из трех первооснов (*государство, православие, русский народ*) у тех иных общественных сил или мыслителей является главной, или, напротив, искажается и даже отвергается, можно классифицировать их по этому основанию, с одной стороны, на *державников* (или государственников), *православных* и *почвенников* (или националистов), а с другой – на *либералов* (или антигосударственников), *атеистов* и *западников*. Если предположить, что все три начала (государственное, религиозное, народное) сильны не только своей самостоятельностью, самобытием, но и взаимосвязями, что образует единство национального духа, то фактически мы имеем *два* основных духовных полюса: группу национальных сил и антинациональных (несмотря на всё многообразие частных оттенков).

Отклонения от заповеданного Богом единственно правильного пути многообразны. Россия не раз впадала в крайности и показывала миру пагубность того или иного духовного или социального соблазна и отклонения. «Узок путь» цельности. Любое отклонение от совершенства режет слух, как в музыке даже одна фальшивая нота может испортить все произведение. На чистом фоне черные пятна заметнее. Чем выше, труднее задание, тем тяжелее последствия от ошибок. И напротив, чем больше грязи, тем естественнее она воспринимается и не вызывает уже отторжения. Это обстоятельство приводило всегда беспочвенных внерелигиозных мыслителей России к постоянным метаниям в сторону нерусских ценностей, идеалам чуждым православию, самодержавию и народности. А враждебные России силы, скрытно принося на русскую почву те или иные «болезни», громко ругали ее за «грехи», оправдывая необходимость ее завоевания и уничтожения.

Очевидно, что спасение России не в полной изоляции. Укрыться от внешнего влияния в условиях местоположения России и масштабов ее территории всегда было крайне сложно, особенно сейчас при растущей взаимозависимости

в мире. Да и не в бегстве от духовного врага историческая судьба России, но в сражении с ним через внутреннее преобразование. Как это всегда и было в истории: будь то с природной стихией язычества или татарским игом, междоусобицами или социально-классовой рознь, угрозой секуляризации или насильственной европеизацией после петровских реформ, спасением мира от османотурецкого ига, наполеоновского диктата или немецко-фашистского порабощения – Россия спасала себя и мир, выходя преобразенной. Наконец, как это произошло и с коммунистической «заразой», когда Россия в очередной раз взвалив на себя грехи мира ценой невиданных жертв, переболела, перемолола коммунизм, родив великого монстра – советскую державу, а после ее краха вышла хотя и едва живой, но возрожденной. Ныне ей придется в очередной раз переработать русским духом угрожающее духовной цельности человечества новое апокалиптическое бремя - глобализм. Но справиться с этой задачей Россия сможет, если опять станет православной, то есть предложит миру спасительный путь духовного реализма и миропреобразования благодатным духом Христа.

Многих мыслителей-западников (А.И. Герцена, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и др.) можно было бы определить как антигосударственников и либералов, где апология духовной свободы обязательно требует принижения роли государства и уж тем более в форме монархии. Обличая национализм государств, «националисты которых удовлетворяются успехами своего хозяйства (экономизм), или мощью и блеском своей государственной организации (этатизм), или же завоеваниями своей армии (империализм)», они усматривали их внешние признаки в истории России и на этом основании давали неутешительную внутреннюю оценку истории российской государственности как агрессивной, воинственной, великодержавной, не видя в этом почти ничего кроме «азиатчины» - властолюбия, ожесточенности, жадности. Поэтому они отказывали России в праве быть сильным государством. Неприятие идей соборности и симфонии властей, по причине того, что якобы личность есть большая ценность, чем общество, нация и утверждение, что «Бог выше родины» свидетельствует об их оппозиции не просто славянофильству, почвенничеству или евразийству, но самой исторической национальной природе страны.

Каковы же константы той национальной «формулы», в которой отразился подлинный дух России? Этот дух то дремлет под гнетом, то разворачивается во всей красе и силе, но всегда живет во всякие исторические времена и часы. Многообразие его проявлений не должно заслонить главного. Россия всеми условиями своего существования обречена (или избрана) всегда быть на

распутье, и выбор, перед которым стоит она – это выбор между Богом и дьяволом, между совестью и грехом, между Правдой и ложью, Добром и злом. И здесь уже нет «срединного», третьего пути. Еще Гегель писал: «Неверно, что между крайними точками зрения лежит истина. Между ними лежит проблема». Нельзя все примирять, сглаживать и всегда искать «золотую середину», поскольку крайностями могут быть противоречащие друг другу суждения об одном и том же предмете, и тогда истина не между крайностями, а в одной из них. В этом «максимализме» религиозность души России, созидательный миропреобразующий (но не мироотрицающий и не миропочитающий) характер.

В этом и драматизм ее истории, всемирность и национальная жертвенность. Верные ориентиры на пути к победе и спасению от соблазнов – *цельность, любовь и вера*. Это духовно-нравственное измерение и строение всех сторон жизни. Искренность, сострадание и правдоискательство, отвращение к пошлости и вечная устремленность к совершенству, скромность и жертвенное служение. Это непримиримость в борьбе со злом по правилу: «Возлюби врага своего, гнушайся врагов Божьих и бей врагов Отечества!». Это «персонафикация» идей, олицетворение Истины в личностях, приятие сердцем духа справедливости и неприятие бездушного законничества и формального права. Сознательно или нет, по поводу и без повода, недруги России представляют болевые гримасы России за ее настоящее лицо, злые карикатуры за реальное отражение ее души.

Так вольность и непримиримость с дикими порядками или завоевателями, самоотречение в борьбе выдаются за отсутствие меры, агрессивность, склонность к беспределу и криминалу, а законопослушность, чувство ранга и лояльность за чрезмерную терпимость и рабскую покорность. Образно-символическое художественное восприятие мира и мистицизм трактуются как невежество и неспособность мыслить логически, а достижения в области культуры объясняются вечными заимствованиями. Борьба за правду и социальную справедливость выдаются за проявление зависти и неумение радоваться успехам «соседа», а сострадание и милосердие становятся признаками слабости и безволия.

И как бы ни пытались некоторые современные идеологи исказить душу России - на страже стоит великая традиция русской общественной мысли и сама русская история. Они противостоят растущему формальному обезличиванию, соседствующему с эгоизмом, обличают духовное рабство, пошлость и обывательщину, всеобщую продажность и ложь.

Выступая против смешения, подмены или

противопоставления этих сил и сторон в живом развивающемся национальном теле, И.А. Ильин всегда подчеркивал, что «спасение – в цельности!» как здесь, так и во всем остальном. Обличая, например, всякого рода интернационалистов, космополитов и псевдохристиан, разрывающих исторические Церковь, Nation и Государство под предлогом недовоплощенности идеала, И.А. Ильин подчеркивал, что «болезнь» жизненно важного органа требует его лечения, а не принижения или отсекания - иначе смерть всему организму. Более того, государственное и национальное в жизни народа - самое главное. Это традиция, в русской социально-философской мысли берущая свое начало от славянофилов, а в богословии – от митрополита Иллариона и Иосифа Волоцкого, утверждала, что искажения государственной политики и национализма требуют как раз не их унижения, а уравнивания с другими составляющими системы и полноценного развития.

Для И.А. Ильина важно, что ход русской истории слагается не по произволу государей, правящего класса или «простонародья», а в силу объективных «данных» факторов с которыми каждый народ вынужден считаться. У русского народа «данное» бремя существования тяжело как может быть ни у какого другого. Это бремя *земли* - огромного, но незащищенного пространства, без естественных границ, легко делимое, постоянно вынуждаемое к самообороне; бремя *народности* – Россия огромная по численности и многоплеменности; бремя *богатой, но суровой природы*. Россия родилась на временном и пространственном стыке культур и цивилизаций, отсюда должна была одновременно оставаться «собой» и вместе с тем воспринимать, перерабатывать или подавлять внешние силы – вести длительные и тяжелые войны. Масштабы этих процессов придали этому вселенское метафизическое значение. Мировое призвание России оказалось творчески-посредническое между народами и культурами, а для этого и в силу этого она сама становилась великим и вседоступным культурным простором.

Все эти обстоятельства, связанные с необычайным многообразием, дифференцированностью и сложностью решаемых задач поставили русский народ в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. Равнинная незащищенная огромная территория, слабая связь между населенными пунктами, национальное и культурное разнообразие, особенности национального темперамента, славянское свободолюбие, слабое общественной дисциплиной, чувственность, безмерность и щедрость души – все это требовало авторитарной власти, причем в особой форме, не диктатуры или абсолютизма, но национальной монархии - самодержавия. По мне-

нию Ильина, русская народная душа историей, событиями и условиями была поставлена перед дилеммой: либо республиканско-демократическая форма, но ценой утраты национальной самобытности, либо самобытная авторитарная форма, но обретение национального своеобразия. «Слабая государственная власть есть роскошь, непозволительная для России и всегда грозила и продолжает грозить ей потрясениями и гибелью» [8, С.316]. Всякий другой народ, оказавшись в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем, но своеобразии русского народа в этих условиях, по мнению И.А. Ильина, очевидна – душа его проявила максимум терпения, благодушия, братской терпимости и жертвенности.

И.А. Ильин полагал, что русскому народу дан от Бога свой *национально-духовный уклад*: т. н. первичные силы - сердечное созерцание, внутреннее свободолобие, непосредственная искренность духа и жажда Правды, которые преобладают над силами вторичными - волей, рассудком и организационной дисциплиной, более доминирующих у западных народов. Отсюда божественный замысел и историческое **задание** русскому народу - не брать в готовом виде чужую форму и организацию, но из данных первичных сил (укрепленной веры и совести, осуществленной свободы и предметного созерцания) выращивать вторичные силы, свою русскую духовную культуру воли, мысли и общественной организации. Это означает учиться умерять и оформлять свои силы, что непросто для характера русского человека, который «доверчив как малое дитя и страстен как невоспитанный взрослый». «Духовная свобода дана нам от природы; духовное оформление задано нам от Бога» и «дисциплина есть наше великое задание, наше призвание и предназначение» [5, С. 9].

Позиции И.А. Ильина в равной мере чужды как консерватизм и провинциализм церковно-национального самочувствия, изоляционизм, не принимающий новой технической культуры и просвещения, так и поклонение материи, бездуховность и технократизм цивилизации. Он ценит Петра I за то, что тот заставил людей преодолеть отставание в технике и знаниях и «постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между Православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой - с другой...» [9, С.286-287]. До Петра небесное и земное не разделялись в русском самочувствии, национальное от вероисповедно-церковного. Именно с Петра начинается эпоха *русского национального самосознания*.

Это было началом пути *не разделения* единого организма, но *различения* его частей. Церковное и религиозное не одно и то же. Церковь есть конкретное живое средоточие религии и веры и не поглощает нации, государства, науки, искусства, хозяйства, семьи, быта. Но она излучает живую религиозность, Дух, которому «езде место» и который способен проникнуть в любое человеческое творчество. Призвание России состоит в том, чтобы, открыв себе доступ к светской цивилизации и светской культуре, сильной и живой верой проработать, осмыслить и облагородить новые формы сознания, быта и хозяйства. «Общий **религиозно-православный Иоановский дух любви и свободы**, объединяющий историческую Церковь, Национальное самочувствие и Государство, призван к преображению светского **национального** самосознания, новой **национально-светской** культуры и **национально-светской** цивилизации». Два последних века есть не что иное, как создание русским народом светской национальной культуры – рождения своего национального русского духа в виде *русско-национального творческого акта*. Этот акт должен быть верен историческим корням славянства – душе и телу Народа (*данному самобытию*), религиозному духу русского Православия (*объективной заданности*) и *осуществляться* в адекватных национальных формах, соответствующих данным предметным сферам – светской русской науке и литературе, русском искусстве, русском правосознании, праве и государственности, русском укладе хозяйства, быте и нравственности [См.: 9].

Особое значение для русской души имеют внутренние установки – сердечное созерцание, любовь к свободе, детская непосредственность, живая совесть, воля к совершенству во всем, вера в божественное становление человеческой души и природы, смирение, терпение и стремление к духовному очищению. Но именно в православии русский получает их в виде молитв, старчества, праздника Пасхи, почитания Богородицы и святых, а также икон. В них содержится *ключ* к русской религии, душе и истории, которые конечно лишь к ним не сводятся, но без которых не могут быть познаны и осуществлены.

Русским важно созерцать и иметь живой конкретный образ, откуда они черпают творческий дух и свою жизненную силу. Важен символ национального Боговосприятия и дается он от имени народа и за народ его гениями и пророками. Это радостное самоутверждение народного духа в Боге, путь к вере через очевидность вдохновенного созерцания и мироприятия. Желанную меру разума, страсти и веры, власти и свободы, мечтательности и реальности, человеческого и божественного многие мыслители находили, например,

в Пушкине. Соблюдение этой меры и есть не что иное как русский национальный духовный акт или русский **дух**. Так Пушкин, говоря словами Ильина, пророчески указал народу России его жизненную цель: *жить во всем самобытном многогласии своем в глубочайшей цельности и искренности – божественными содержаниями – в совершенной форме* [См.: 2, С.70-72; См. также: 10].

Смысл русской идеи раскрывается в её истории. Это цепь ярких исторических доказательств истинности высших ценностей как парадоксальных результатов, отличных часто от первоначальных целей из-за отхода русского народа от своего *призвания*, как противоречие между субъективными намерениями, не выверенными по абсолютным ценностям и без учета конкретной исторической обстановки выбор неверного пути. А разрешение узловых проблем российской истории в виде трагедии невиданных масштабов – свидетельство избранности России к преодолению величайших соблазнов. То, что другим народам не просто сходило с рук, но получало даже статус общественной нормы, в России всегда требует изживания и очищения, предстает как величайший урок для всего человечества [См.: 13, С.136-137].

Опираясь на идеи и отчасти терминологию И.А. Ильина можно сравнить в содержательном плане основные ценностные альтернативы современности. Борьба между ними определяет сознание человечества, его историю и будущее. В противовес мнимым синтезам, эклектике, релятивизму и духовноподобию можно предложить путь «золотой середины» – **путь Духовного реализма** или новой метафизики. Характерные черты этого пути в сравнении с его основными антитезами были предложены автором в одной из предыдущих статей [См.: 14, С.78-80] Так, например:

1. Вместо *Беспредметной Нецельности* (стихия, анархия, беззаконие и взаимное уничтожение сил, бездуховная беспредметная свобода), *Бесцельной Предметности* (господство внешних сил необходимости, внешняя «духовная» несвобода или предметная несвобода) или *Целостной (но не цельной) Беспредметности* (организуемое господство внешней свободы для внутренней «духовной» беспредметной свободы) первых двух путей – **Предметная цельность** (естественная свободная жизнь в Предмете как сила самоопределения к объективно-лучшему, организация внешней свободы для духовной предметной внутренней свободы).

2. Вместо *Беспредметной ненависти, Любви к беспредметности* или *Беспредметной Любви* – **Любовь к предмету** (предметная любовь).

3. Вместо *Собственной бездуховной свободы; насилия над чужим Самобытием* или *Самобытия свободных Духов* – **Духовная свобода Само-**

бытия.

4. Вместо *Слепой веры, Сознательного безверия* или *Мыслящей веры* – **Верующая мысль.**

5. Вместо *Злой воли, Бессовестного безволия, Безвольной совести* – **Совестная воля.**

6. Вместо «*Мироотвержения*» как *Отрицания мира* (противокультурного «христианство»), «*Миропочитания*» как *Отрицания духа* («культурной» безбожной цивилизации) или *Обмирщения духа* как приспособления к непреображаемому миру имени Христа и его учения («культурное» христианство) – *Христианская Культура* как **Одухотворение мира** (мироприятие и преображение мира исходя из Духа Христа), объединение частей на основе абсолютных духовных ценностей и общей цели, единство в многообразии, органичность разрешения, жизнеустойчивость и цельность организма.

7. Вместо *Неправой силы, Бессильной неправоты* или *Формального законничества и Бессильного права* – путь **Правой силы** на основе правосознания.

Чтобы упорядочить различные отклонения применительно к современным процессам и увидеть тот «срединный» узкий путь, по которому призвана идти Россия, ведомая Богом и историей, предлагается следующая таблица основных ценностных альтернатив. Здесь представлены основные ценностные варианты в лице Западной и Восточной цивилизаций, содержащие как положительные, так и отрицательные черты. Обе альтернативы оказываются, так сказать, целостны в своей *нецельности* (по отношению к Абсолютным ценностям). Когда в тех или иных западных или восточных культурах начинают доминировать так называемые антиценности, то возникает опасность их материализации и оформления, что всегда в истории приводило к своим страшным последствиям. Эти «крайности» представлены в крайних колонках. Очевидно, России заповедан третий «срединный» путь, исходя из данности условий своего бытия и верный с точки зрения Абсолютных ценностей. Здесь нет гордого мессианства в националистическом смысле, национальной спеси, или идеи «богоизбранности», когда ожидается свой мессия, дарующий власть над миром. Напротив, это путь подлинно Христианский – путь Истины, Преображения и оправданной жертвы во имя Любви. Отклонения от него для России всегда были чреваты падением в еще большие крайности и «недуги», которыми и без того страдал Запад и Восток.

Нетрудно увидеть, что современные апокалиптические процессы создают нового монстра, где скрещиваются казалось бы непримиримые черты: индивидуализм и рабство, анархия и стандартизация, атеизм и религиозный фанатизм,

архаичность и новейший технократизм, реакционность и динамизм, фашизм и космополитизм, насилие и свобода. Это то, что часто называют «новым мировым порядком» или эпохой постмодерна, с его противоречивостью, нестабильностью, неопределенностью и «точками бифуркации». Чтобы увидеть его в таблице достаточно соединить по горизонтали минусы всех альтернатив (см. табл.).

Этому разрушительному управляемому хаосу можно противопоставить только *органичный путь цельности*, «возбуждение встречного верного течения» против господствующего течения. Он воплощен в русской альтернативе, заповеданной всем консервативно-охранительным направлением отечественной мысли, всей великой традицией русской святости, державности и народной культуры.

Таблица.

Основные ценностные альтернативы

Негативные	Положительные ценности			Негативные
-	- ; +	+ ; +	+ ; -	-
Антиценности	«Западная» альтернатива: <i>формально-правовая (инструменталистская)</i>	«Российская» альтернатива: <i>духовная (соборная и сотруди-ческая)</i>	«Восточная» альтернатива: <i>авторитарная (объективистская)</i>	Антиценности
Религия человека без Бога и против Бога, сатанизм	Религия человекобога, антропоцентризм	<i>Религия Богочеловека (право-славие)</i>	Религия Бога без человека, пантеизм	Религия без Бога и без человека, атеизм
Индивидуализм (стремление к свободе от внешних обязательств), анархия и духовное рабство, «какофония» . Релятивизм, нестабильность и неопределенность	Свобода и лояльность, либерализм (независимость). Многообразие, многовариативность, свобода выбора	Должное (<i>любовное служение</i>), соборность , «симфония» , <i>многообразие форм развития, адекватных данным условиям и единой духовной цели</i>	Необходимость и дисциплина, корпоративизм (коллективизм) Определенность и стабильность	Рабство зависимость от внешних обстоятельств и тоталитаризм. Детерминизм и единообразие, «монотония»
Миропочитание , Схематизм, схоластика, безверие и атеизм.	Приоритет мирского (светского), Рационализм и сциентизм, мыслящая вера	Миропреображение <i>Духовность, духовная Любовь, верующая мысль</i>	Приоритет церковного, религиозность и эстетизм, чувственная вера	Мироотрицание и религиозный фанатизм. Эмпирическая чувственность, иррационализм, суеверия, слепая вера
Обезличивание и стандартизация	Формальное равенство	Органичная иерархия (<i>как власть священного</i>)	Внешняя субординация	Тирания, авторитаризм
Всеобщая коммерциализация, продажность, пошлость	Прагматизм, материализм	Духовный реализм (<i>Верность цели и цельность в вере</i>)	Идейность, абстрактный идеализм	Утопизм, доктринерство
Космополитизм, глобализм	Глобализация и интеграция	Всемирность и национальная терпимость	Религиозный универсализм	Интернационализм
Технократизм, потребительство и покорение	Антропоцентризм технологизм	Антропологизм и космизм	Пантеизм, органицизм	Архаичность, патриархальность, первобытность (техническая отсталость)
Конъюнктурность, хаос, нестабильность	Новаторство, динамизм (перенимает все лучшее)	Традиционализм, устойчивое развитие	Консерватизм (сохраняет все лучшее)	Застой, инертность, ретроградство, реакционность
Экспансионизм, колониализм, империализм	Социально-классовый национализм, страна - цивилизационный механизм	Духовный патриотизм, страна - цельный этнокультурный политический организм	Культурно-этнический национализм Страна - традиционный организм	Изоляционизм (национальное обособление), фашизм

<i>Бессильное право</i> Формальное законничество	Верховенство формально-правовых норм	<i>Правая сила (от слова «Правда»).</i> <i>Совесть и правосознание</i>	Доминирование обычаев и религиозных норм	<i>Бесправая сила</i> (насилие), деспотизм, патриархальность
Анархия, охлократия или олигархия. Голый расчет и выгода, манипулятивность лидеров	Республиканизм и представительная демократия – приоритет интересов финансовых кланов. Рациональная легальность лидеров	<i>Самодержавная монархия, органическое народовластие и гражданское самоуправление, приоритет духовных ценностей.</i> <i>Духовный национализм и высокое правосознание политической элиты</i>	Монархизм – приоритет интересов династий и аристократических кланов. Харизматичность и традиционность лидеров	Деспотия, диктатура. Формирование верноподданничества. В отношении к власти аффективность и привычка
Господство монополий и стихии рынка, вопиющее неравенство и социальная несправедливость. Разрушающее хозяйство по отношению к природе и человеку	Рыночная экономика, приоритет экономических рычагов управления, социальное расслоение и конкуренция, преимущественно индустриальный характер хозяйства	<i>Нравственная модель экономики, основанная на приоритете производительных секторов, социальных критериях роста, балансе частной инициативы и государственного регулирования</i>	Административная экономика, преимущественно аграрный характер хозяйства	Бюрократизм, подавление инициативы, уравниловка, эксплуатация внешнеэкономическими методами. Присваивающий характер хозяйства
Автономизация, сепаратизм	Федерализм	<i>Баланс целого и частей на основе абсолютных ценностей</i>	Унитаризм	Жесткий централизм

Итак, особенность формулировки И.А. Ильиным русской национальной идеи как *творческой, реальной ведущей* силы в том, что она есть добровольная христианизация *всей культуры* через свободное созерцание сердцем, как постоянное стремление к Совершенству. Для мыслителя был важен образ или символ национального Боговосприятия, который дается от имени народа и за народ его гениями и **пророками**. Они показывают то, «чем мы призваны быть; и то, к чему мы способны; и то, как нам восходить на эту высокую и трудную гору» [5, С. 31]. Одним из таких пророков и гениев России стал сам И.А. Ильин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. - М.: Парог, 1993.
- Ильин И.А. Национальная миссия Пушкина // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1993-1999. - Т. 6.
- Ильин И.А. О воспитании русского народа к справедливости // Ильин И.А. Наши задачи. - М.: Парог, 1993. – Т.1.
- Ильин И.А. О монархии и республике // Собр. соч. - Т.4.
- Ильин И.А. О России // Собр. соч. - Т.6. Кн.2.
- Ильин И.А. О русской культуре // Собр. соч. - Т.6. Кн.2.
- Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Наши задачи. - М.: Парог, 1993. – Т.1.
- Ильин И.А. О сильной власти // Ильин И.А. Наши задачи. - М.: Парог, 1993. – Т.1.
- Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И.А. Наши задачи. - М.: Парог, 1993. – Т.1.
- Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина //

Собр. соч. Т. 6. Кн. 2.

- Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч. Т.1.
- Ильин И.А. Путь к очевидности // Собр. соч. Т.3.
- Ильин И.А. России необходима свобода // Ильин И.А. Наши задачи. - М.: Парог, 1993. – Т.1.
- Закунов Ю.А. Духовный реализм как вариант развития гуманитарного знания и социокультурного бытия // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки».- №2 (23).- 2006. Выпуск в серии №3.- М.: Изд-во МГОУ. – С. 73-80.

Y. Zakunov

THE RUSSIAN IDEA AND MAIN AXIOLOGICAL ALTERNATIVES OF MODERN AGE IN THE LIGHT OF IDEAS OF I.A. ILYIN

Abstract: Reconstruction of understanding of Russian idea by an outstanding domestic philosopher I.A. Ilyin is offered actual for today, whose sociophilosophical forecasts have appeared the most true. Generated in traditions of Russian religious-philosophical spirit, ideas of the thinker apply for generality, forming universal complete historiosophical model. On its basis the author makes attempt of ordering and generalization in the form of the table of the basic valuable alternatives of Russian, Western, East civilizations and bearing destruction antispiritual forces.

Key words: Russian idea, value, belief, the state, the people, integrity, spiritual realism.